

Жизнь и смерть А. С. Пушкина

Приближается 100-летие со дня трагической гибели величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Взоры миллионов трудящихся нашей страны обращены к этому родоначальнику новой русской литературы. Никогда еще Пушкина не изучали так пристально, никогда память о нем не чтили так глубоко, как у нас в СССР. Страна победившего социализма нашла в наследии гениального поэта новый неиссякаемый источник бродящей веры в жизнь, творческой энергии и художественной правды. Советская страна с любовью оберегает эту сокровищницу русской поэзии и гордится ею. Отсюда огромный интерес к жизни и литературной деятельности Пушкина. Нельзя по-настоящему изучить гениальные творения поэта, не зная его жизненного пути. С этой точки зрения представляется необходимым ознакомиться хотя бы с важнейшими событиями, характеризующими жизнь и творчество Пушкина.

1. Детство

Александр Сергеевич Пушкин родился 6 июня (по старому стилю — 26 мая) 1799 г. в Москве. Его отец, Сергей Львович, принадлежал к когда-то знатному дворянскому роду, потерявшему, однако, ко времени рождения поэта свои прежние богатства и влияние. Мать Пушкина, Надежда Осиповна, была внучкой „араса Петра Великого“ — Ганнибала.

Родители Пушкина вели рассеянный, светский образ жизни. Воспитание маленького Сашки было предоставлено дворовым людям да иностранным гувернерам, часто сменявшимся и довольно бестолковым. До 9 лет будущий поэт был мало подвижен и молчалив, но в нем шла внутренняя сложная жизнь, внимательная и жадная к впечатлениям от окружающей его действительности. Мальчик дома получал французское воспитание. Он рано начал читать. У его отца была богатая французская библиотека. „Ребенок, — вспоминал его младший брат Лев, — проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книгу одну за другой“. К одиннадцати годам Саша хорошо знал уже французских классиков и сочинения французских просветителей XVIII века, матери-

алистов и атеистов по своему духу. С раннего детства Пушкин приобщился к передовым идеям общеевропейской культуры.

Несмотря на французско-светский дух дома его родителей, будущий поэт не был изолирован и от русской жизни. Наряду с влиянием европейского просвещения, Пушкин с детства находился под влиянием русского народного творчества. Его няней была крепостная крестьянка Арина Родионовна, прекрасно знавшая русские народные сказки, вводившая одаренного мальчика в чудесный мир народной фантазии. Вместе со своим дядькой—приставленным к нему крепостным крестьянином Никитой Тимофеевичем Козловым, маленький Пушкин много бродил по Москве, присматриваясь к картинам „простонародной“ жизни и прислушиваясь к „простонародному“ московскому складу речи. Так влияние передового европейского просвещения переплеталось в голове мальчика с впечатлениями руссконародными. Брат поэта в своих воспоминаниях отмечал, что „Пушкин был одарен памятью неимоверною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу“. Одновременно в прекрасной памяти поэта откладывался мир народных преданий. О них он рассказал впоследствии в стихотворении „Сон“:

„Ах! умолчу ль о мамушке моей,
 О прелести таинственных ночей,
 Когда в чепце, в старинном одеянье,
 Она, духов молитвой уклоня,
 С усердием перекрестит меня
 И шепотом рассказывать мне станет
 О мертвецах, о подвигах Бовы...
 От ужаса не шелохнусь бывало,
 Едва дыша, прижмусь под одеяло,
 Не чувствуя ни ног, ни головы.
 Под образом простой ночник из глины
 Чуть освещал глубокие морщины,
 Драгой антик, прабабушкин чепец
 И длинный рот, где зуба два стучало:
 Всё в душу страх невольный поселяло.
 Я трепетал, и тихо, наконец,
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой с лазурной высоты
 На ложе роз крылатые мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сон обворожали.
 Терялся я в порыве сладких дум;
 В глуши лесной, среди муромских пустыней
 Встречал лихих Полканов и Добрыней,
 И в вымыслах носился юный ум...“.

К детским впечатлениям Пушкина надо отнести также раннее знакомство с литературными интересами и литературной средой. Отец Пушкина недурно писал светские стихи, дядя Василий Львович был известным в свое время поэтом; дом Пушкиных посещали многие знаменитые писатели того времени...

К числу важных особенностей московской жизни, оказавшей влияние на впечатлительного ребенка, следует отнести еще одну. Московское общество жило вдали от царского двора и царского правительства. В московском обществе было много людей неслужащих, не искавших чиновной бюрократической карьеры. В нем было меньше раболепия, чем в петербургском обществе, больше независимости и чувства собственного достоинства. Эта атмосфера незаметно впитывалась маленьким Пушкиным. Мальчик с детства обнаруживал черты, которые невнимательные взрослые характеризовали как упрямство и своеволие, но которые в действительности отражали раннее чувство самостоятельности, не выносящей принуждений и насилия.

2. Лицей

В 1811 г. в Царском Селе было основано привилегированное учебное заведение для подготовки молодых людей к различным постам государственной службы—лицей. В отличие от воспитанников других учебных заведений лицеисты были освобождены от телесных наказаний. Лицей был закрытым учебным заведением. Лицеисты жили при лицее, и их не отпускали к родителям, даже в близкий Петербург. Отцу Пушкина, благодаря его большим светским связям, удалось поместить сына во вновь открытое учебное заведение. Лицей открылся в торжественной обстановке, в присутствии царя и министров. Курс в лицее был шестилетний. Первый прием был немногочислен—приняли только тридцать человек.

Лицеисты, собранные на долгий срок в учебном заведении, оторванные от своих домашних и общества, сдружились между собою. Состав лицеистов был довольно пестр. В нем учились и будущие царские бюрократы, но в нем были и будущие декабристы—Пушкин и поэт Кюхельбекер. Пушкин, Кюхельбекер и Дельвиг стали ближайшими и лучшими друзьями Пушкина. Пушкин на всю жизнь, во всех испытаниях, которые готовила его друзьям политическая борьба с самодержавием, сохранил к ним крепкую привязанность.

В лицее будущий великий поэт держал себя по отношению к учебному начальству смело и независимо. Вместе со своими товарищами, увлеченными политическим свободолюбием и литературными интересами, он создал себе в лицейской обстановке род маленькой дружеской республики, которая была далека от лакейства, ханжества и солдафонства, господствовавших в официальном обществе, окружавшем Александра I. К официальной светской жизни у лицеистов прямого доступа не было. Зато, живя во флигеле царскосельского дворца, они хорошо видели неблагоприятную изнанку царского двора и правительственной жизни. В молодых умах, способных к самостоятельному мышлению, это развивало критическое отношение к царю и его приближенным и тем самым способствовало усвоению критического отношения ко всей си-

стеме государственной и социальной жизни в России того времени. Критическое отношение к лицам правящего класса соединялось у Пушкина с симпатией к людям из народа. Пушкин легко сходился с мужиками, дворниками и вообще с прислугой. Среди лицейской и дворовой царскосельской прислуги у него было не мало приятелей.

Преподавание в лицее находилось не на высоком уровне. Предполагалось за шесть лет дать воспитанникам знания в объеме и среднего и высшего учебного заведения. Это было невыполнимо, программа комкалась и сокращалась, очень часто вместо систематического изложения предмета лицеистам преподносились бессистемные обрывки и верхушки знаний. Большинство лицейских педагогов не сумело разглядеть в Пушкине его гениальных способностей. Вот некоторые отзывы его преподавателей: „Очень ленив, в классе не внимателен и не скромн, способностей не плохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия, успевает весьма посредственно“. „Легкомыслен, ветрен, неопрятен, нерадив, впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особенную страсть к поэзии“.

Были однако среди преподавателей лицея и люди замечательные, оказывавшие положительное воздействие на своих учеников. Таков был, например, Будри, преподаватель французского языка, родной брат Марата, великого деятеля французской буржуазной революции 1789 г. Он наталкивал лицеистов на мысли о политической борьбе с абсолютизмом. Но особенно большое положительное влияние на лицеистов оказывал Куницын, преподаватель естественного права. Куницын получил образование в Западной Европе. Его научное мировоззрение сложилось под влиянием прогрессивной просветительной философии, пропитанной духом равенства, направленной против абсолютизма, политического гнета, произвола, против порабощения человека человеком. Лекции Куницына производили на Пушкина сильное впечатление. Пушкин вспоминал о своем наставнике и много лет спустя с благодарностью и восхищением. Ему поэт посвятил следующие строки:

„Куницыну дань сердца и вива!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена“.

Так передовые идеи века пробивались даже сквозь стены лицея, созданного самодержавием для того, чтобы готовить себе крупных чиновников.

Было в лицейской жизни Пушкина и много юношеского разгула, иногда переходившего в излишества. Это было данью молодости и нравам тогдашнего общества, не очень строгого в своих правилах. Но натура Пушкина была, по выражению Чернышевского, нравственно здоровой натурой. В ней преобладали положительные чувства — дружба, любовь, горячий интерес к общественным вопросам. А в общественной жизни происходили тогда большие и важные события. В годы учения

Пушкина Россия принимала активное участие в европейской политике. Она вела ряд войн с Наполеоном. Пушкин-лицеист был современником нашествия французской армии, пожара Москвы, похода русских войск в Европу, взятия Парижа, падения и изгнания Наполеона, наводившего страх на весь мир. Как и все передовые люди того времени, Пушкин ждал, что Александр I, изображавший собой освободителя европейских народов от деспотизма Наполеона, поведет либеральную политику в европейских и внутренних делах. С тем большим разочарованием, недовольством и негодованием воспринимал молодой Пушкин арачьевщину и политику Священного союза.

Несмотря на то, что лицей был закрытым учебным заведением, изолированным от официальной светской жизни, его воспитанники были тесно связаны с передовыми течениями общественной мысли тогдашней России. В Царском Селе стоял гусарский полк, офицеры которого находились под воздействием декабристских идей. Пушкин, как и многие другие лицеисты, тесно сблизился с ними. Через них Пушкин получил доступ ко всей запрещенной, „нелегальной“ литературе своего времени. Одним из офицеров гусарского полка был философ и публицист Чаадаев, настроенный очень свободолюбиво. Впоследствии, уже при Николае I, Чаадаев за свое критическое отношение к русской действительности, был, по приказанию царя, объявлен сумасшедшим. О чем беседовали молодой поэт и вольнолюбивый офицер, видно из послания Пушкина к Чаадаеву, написанному уже после окончания повтом лицей, в 1818 г.

„Любви, надежды, тихой славы
Недолго тепил нас обман!
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман!
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем в томленьи упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет от сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!“

Уже в лицейские годы Пушкин проникается идеалами политической свободы. Он мечтает о низвержении „самовластья“ об установлении в России более свободных политических порядков.

В лицее быстро зреет и формируется литературный талант Пушкина. Этому очень способствовала обстановка лицейской жизни, в которой были сильные литературные интересы, издавались рукописные журналы, устраивались литературные чтения и т. д. Стихотворные упражнения входили даже в программу классных занятий. В лицее быстро сложилась творческая среда, следившая с живейшим вниманием за литературной жизнью страны, втягивавшаяся в литературную борьбу за пределами лицея. Кроме Пушкина, в лицее учились поэты Илличевский, Дельвиг, Кюхельбекер. Лицейстом Пушкин впервые выступил в печати (в журнале „Вестник Европы“) со стихотворением „К другу стихотворцу“.

8 января 1815 г. на переводных экзаменах в лицее присутствовал престарелый поэт Державин. Пушкин читал в присутствии знаменитого поэта свое стихотворение „Воспоминания в Царском Селе“. Чтение превратилось в триумф юного поэта. Державин разглядел в начинающем мальчике будущего гения. „Вот кто заменит Державина“, сказал он, выслушав стихи. Это событие произвело большое впечатление и на Пушкина и на его товарищей. Оно превратилось в первое общественное признание гения Пушкина. „Это было в 1815 году,—писал об этой памятной дате впоследствии сам Пушкин,—на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности... Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“ стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...—Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... меня искали, но не нашли...“

Литературный талант Пушкина рос и развивался под влиянием непрерывного усердного чтения. Пушкин попрежнему увлекался передовыми мыслителями Западной Европы, в особенности Вольтером. Он внимательно знакомился с классиками европейской литературы и с современными ему писателями Запада и России.

Поэтический гений Пушкина, его образование, его разносторонние интересы привлекли к Пушкину внимание более старого поколения писателей—Карамзина, Жуковского, которые стали смотреть на него, еще не покинувшего школьной скамьи, как на своего младшего товарища. Пушкин—лицейст принимал активное участие в литературной борьбе того времени. Реакционные силы литературы объединились тогда в обществе „Беседа русского слова“, во главе которого стоял адмирал

Пушкин не задолго до выхода из лицей.
С портрета, принадлежавшего директору лицей Е. А. Энгельгардту.

Шишков. „Беседа“ жестоко ополчилась против реформы литературного русского языка, начатой уже Карамзиным, Жуковским, Батюшковым и др. Сторонники новых прогрессивных начал в литературе в противовес „Беседе“ организовали другое общество—„Арзамас“. Пушкин был тесно связан с „Арзамасом“, в состав которого он формально вошел уже после окончания лицея. В число членов „Арзамаса“ входило несколько будущих декабристов. Таким образом, передовые политические идеи эпохи пробивались в литературную жизнь, оказывая свое влияние на Пушкина самыми разнообразными путями. Однако, деятельность „Арзамаса“ проявилась главным образом в борьбе против неестественной напыщенности „Беседы“, в борьбе за европеизацию литературных форм, за замену книжного, искусственного, малопонятного языка простой речью, близкой к разговорному языку. Деятельность „Арзамаса“ подготавливала почву для реализма.

Пушкин перерос рамки лицейской жизни. Он рвался на волю. „Никогда лицей не казался мне так несносным,—писал он своему другу, поэту Вяземскому, за год до окончания курса,—как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто жилали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину. Правда, время нашего выпуска приближается. Остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!... Целый год еще дремать перед кафедрой... Это ужасно... Безбожно молодого человека держать взаперти“

Политические настроения Пушкина лицейской поры особенно ярко выразились в стихотворении „Лицинию“, в котором под видом подражания древним римским авторам, Пушкин яростно нападал на самодержавие, на Александра I и славил свободу:

„Любимец деспота сенатом слабым правит,
 На Рим простер ярем, отечество бесславит;
 Ветулий римлян царь!... О стыд, о времена!
 . . . . .
 Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода
 . . . . .
 Свободой Рим возрос, а рабством погублен“.

Летом 1817 г. наступил долгожданный день — Пушкин был выпущен вместе со своими товарищами из лицея.

3. Пушкин и Николай I

Пушкин в ряде произведений проявил резко критическое отношение к самодержавию и крепостническому строю. Кроме „Вольности“, широко известными стали „Деревня“, „Новель“, политические эпиграммы. Царское правительство намеревалось сослать Пушкина в Сибирь, но благодаря заступничеству Жуковского, Тургенева и Карамзина его вы-

слали на юг России. Здесь поэт встретился с виднейшими деятелями декабристского движения — Пестелем, В. Раевским, В. Давыдовым, Якушкиным, С. Волконским и др. В 1823 г. Пушкин переехал в Одессу, но и здесь его „губительное“ влияние пришлось не по душе графу Воронцову, и поэт был выслан в с. Михайловское, Псковской губ.—в имение родителей—без права выезда оттуда. Декабрьское восстание 1825 г. застало Пушкина в ссылке и произвело на него глубокое впечатление. В августе 1826 г. Пушкину разрешено было вернуться из ссылки. Николай I вызвал его к себе.

В Москве Пушкина сразу повели к императору, не дав ему даже побриться и умыться с дороги. Царь решил сделать попытку приручить Пушкина, превратить его в придворного поэта, прославляющего в хвалебных гимнах официальную политику. Намерения правительства очень ясно выразились в одном из писем шефа жандармов Бенкендорфа, ближайшего человека к царю, который писал своему повелителю, что Пушкин „порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно“.

Царь встретил Пушкина лицемерно-доброжелательно. Пушкин первоначально не раскусил намерений царя. Он рассматривал свое свидание с ним как переговоры. Пушкин вовсе не думал отречься полностью от своих идей или отказываться от своей личности, хотя он и трезво учитывал изменения в политической обстановке, происшедшие после поражения декабристов. Царь спросил Пушкина, что бы он делал, если бы был 14 декабря в Петербурге. Пушкин, не колеблясь, ответил, что примкнул бы к мятежникам. Несомненно также, что Пушкин, поверив, что царь будет вести просвещенную и доброжелательную к народу политику, дал ему обещание изменить свое политическое поведение.

Царь объявил поэту, что сам будет цензором его произведений. Это решение первоначально было воспринято поэтом и окружающими как акт царской милости, как освобождение от придирок обычной цензуры. В дальнейшем же, как мы увидим, эта „высочайшая милость“ оказалась тяжелыми оковами, стеснявшими каждый шаг поэта в печати. Чтобы пользоваться хотя бы теми минимальными правами,⁸ которые имели обыкновенные русские литераторы, Пушкину приходилось иногда издавать свои произведения под чужим именем или анонимно.

Московское общество встретило поэта, вернувшегося из ссылки, с большим вниманием и сочувствием. Но царь продолжал не доверять Пушкину, несмотря на его обещание вести себя лояльно по отношению к правительству. Чтобы испытать Пушкина, Николай поручил ему написать записку о народном воспитании. Пушкин написал записку в уклончивых выражениях, так, чтобы не рассердить Николая, но и не сказать чего-нибудь такого, что противоречило бы его собственным взглядам. Записка Пушкина не понравилась царю. Пушкин стоял за просвещение, царь же видел в просвещении врага самодержавия, он

считал главной добродетелью верноподданного рабское нерассуждающее подчинение.

В записке Пушкина было одно важное место, выражавшее подлинный его взгляд на историческую обстановку, сложившуюся после разгрома декабристов. „Должно надеяться,—писал он,—что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой—необъятную силу правительства, основанную на силе вещей“. Царю, конечно, не могло понравиться, что Пушкин призывал подчиниться самодержавию только потому, что у революции не было сил его поколебать. Но эта мысль многое объясняет в поведении самого Пушкина. После разгрома декабристов в России не осталось на время ни одной организованной революционной силы. Пушкин, трезво взвесив соотношение сил самодержавия и революции в тот исторический период, решил подчиниться самодержавию, но на определенных условиях. Пушкин принял свое решение и под влиянием лицемерного поведения царя, который при первом свидании с поэтом прикинулся человеком, заботящимся о благе народа, чему поэт первоначально поверил. Кроме того, учитывая свою славу, свое общественное влияние, Пушкин надеялся, что сможет воздействовать на царя в духе просвещения и милости. Свои надежды на Николая I Пушкин выразил в стихотворении „Стансы“. В нем он проводил параллель между Николаем I и Петром Великим, указывая палачу декабристов на Петра, как на образец для подражания. Программа, начертанная в „Стансах“, заключала в себе искренние надежды Пушкина. Просвещение, смягчение нравов, справедливость, уважение к родной стране, разносторонняя деятельность на ее пользу — если бы эти качества были возможны в деспоте — примирили бы Пушкина с Николаем. Особенно замечателен конец стихотворения:

„Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен;
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен“.

Призыв быть „памятью незлобным“ означал призыв простить декабристов. Пушкин и после признания нереальности революционной тактики, продолжал положительно расценивать идеалы декабристов.

„Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье“ —

писал он почти одновременно со „Стансами“, обращаясь к сосланным в Сибирь на каторгу дворянским революционерам.

Пушкин не был политиком. В этот период он сочетал в своих воззрениях невозможное — веру в будто бы предстоящие реформы царя и положительное признание идеалов декабристов, политическую тактику которых он стал отрицать, как не подкрепленную реальными силами.

Новые взаимоотношения между поэтом и царем вызывали со стороны некоторых обвинения по адресу Пушкина в измене старым идеалам, в низкопоклонстве и лести. После всего сказанного нами видно, что Пушкин имел право вполне искренне ответить на эти обвинения в новых „Стансах“:

„Нет, я не льстец, когда царю
Хваду свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю“.

Однако, и в этих вторых „Стансах“, на первый взгляд как бы вполне верноподданнических и даже идеализировавших Николая, содержался все-таки какой-то скрытый элемент „крамолы“. В среде придворных холопов и чиновников Пушкин говорил о своем отношении к царю таким неказенным языком, проявляя столько человеческого достоинства, так непосредственно сопоставлял себя с царем, что одобрение было весьма сомнительное: царь стихотворение одобрил, но напечатать его не позволил.

Истинный же смысл царских „милостей“ Пушкин испытал очень скоро. В стихотворении „Андрей Шенье“—о французском поэте, казненном во время французской буржуазной революции, увидели, и не без основания, сочувствие декабристам, критику расправы над ними со стороны Николая I. Пушкина допрашивали, таскали „по инстанциям“, держали под угрозой. В итоге хотя его и не подвергли никакому наказанию, но установили за ним негласный полицейский надзор.

Фактически Пушкин и по возвращении из ссылки не получил прав свободного человека. Он не мог без разрешения Бенкендорфа переезжать с места на место. За чтение ненапечатанного еще тогда „Бориса Годунова“ в среде знакомых и друзей он получил строгий выговор. С него была взята подписка, что до получения разрешения в цензуре он никому не будет читать своих новых произведений. Рукопись „Бориса Годунова“ потребовали к царю. Царь положил на трагедию невежественную резолюцию, предложив переделать ее в роман. Эта резолюция фактически была запрещением на ряд лет печатать „Бориса Годунова“.

В это время на голову Пушкина обрушились новые неприятности. Правительству доставили список „Гаврилады“. Дело было не шуточное. За атеистические произведения полагалась Сибирь и каторга. Под постоянными угрозами и придирками Пушкин чувствовал себя непрочно:

„Снова гучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...“

Пушкин сначала отрицал свое авторство „Гаврилады“, потом лично написал царю письмо, текст которого остался неизвестным и в котором, он, вероятно, сознался в совершенном им „преступлении“. От наказания

Пушкин снова был освобожден, но ценою новых внушений, остроток и требований.

В Москве Пушкин познакомился с красавицей Натальей Николаевной Гончаровой, впоследствии ставшей его женой. В 1829 г. поэт посватался к ней, но получил отказ. Расстроенный своим неясным общественно-политическим положением, огорченный личными неудачами, Пушкин предпринял путешествие в действующую армию, в Закавказье, — Россия тогда воевала с Турцией. Пушкин стремился на Кавказ еще и для того, чтобы увидеться с рядом старых товарищей, сосланных туда за причастность к заговору декабристов. Путешествие, предпринятое Пушкиным без предварительного разрешения, вызвало новое недовольство царя.

Меж тем сватовство Пушкина не подвигалось. Неудачный ход его романа возродил его давнее желание повидать чужие края. Он обратился с просьбой разрешить поездку в Европу, или, если в Европу нельзя, то хоть в Китай. Пушкин опять получил отказ в обидной форме. Царь боялся выпустить поэта за границу, он мстил ему за ослушание, выразившееся в путешествии в Эрзерум.

Преследования царя и Бенкендорфа были сигналом для нападков на Пушкина как на писателя со стороны зависимой от правительства печати. Величайший русский поэт оказывался все в большем и большем одиночестве в тогдашнем обществе. Каждое его начинание вызывало озлобление и травлю.

В 1830 г. в Петербурге начала выходить „Литературная газета“, редактором которой был друг Пушкина, поэт Дельвиг и в которой сам Пушкин принимал ближайшее участие. Первое время Пушкин вел газету непосредственно, так как Дельвиг был в отъезде. Издание новой газеты, хотя и литературной, очень обеспокоило Булгарина, издателя единственной частной газеты „Северная пчела“. Булгарин был нечестный литератор и подлый человек. Он боялся конкуренции „Литературной газеты“, дрожал за монопольность своих оценок выходящих книг и журналов, которую использовал в корыстных целях. Булгарин был шпионом Бенкендорфа. Зная отношение царя к Пушкину, он совершенно распоясался. Когда вышла VII глава „Евгения Онегина“, одного из самых гениальных произведений Пушкина, он дал о ней следующий отзыв: „Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершенное падение!“

За спиной Булгарина стояли царь и правительство, недовольные тем, что Пушкин не использует своего дарования для казенного славословия. Выступления Булгарина имели серьезный вес в николаевском обществе. К голосу Булгарина присоединились другие журналисты того времени; травить Пушкина было делом нетрудным — его не любил царь, ему не доверяло правительство. Пушкин не мог защищаться в печати полным голосом, этого не позволяли политические и цензурные условия. Бул-

арин занимался и прямыми доносами на Пушкина и его ближайшихрузей непосредственно в третье отделение Бенкендорфу.

„Милости“ царя обернулись для Пушкина очень горько. Он оказался а положении пленника царского режима. Пушкину очень больно давали увствовать о власти над ним. Даже жениться Пушкин не смог без разрешения царя и жандармов. Весной 1830 г. предложение Пушкина было

Декабрист Пудин у Пушкина в с. Михайловском.
С картины Ге.

принято Натальей Гончаровой и ее семейством, но мать невесты боялась отдать свою дочь за человека, пользовавшегося, как это было известно, урной репутацией. Пушкину пришлось через Бенкендорфа обратиться царю за одобрением своего брака.

Под влиянием политического и жизненного опыта Пушкина охватывает глубокое разочарование в Николае. Поэт понял, что от него требовали а лойяльности, а холопства, с чем Пушкин примириться не мог. Пушкин ахнул на Николая рукой. Об одном мечтал затравленный поэт — крыться от царя куда-нибудь подальше, в глушь, в деревню, где казалась ему, он был бы вне постоянного придирчивого воздействия. „На это я перестал сердиться, — писал он несколько позже своей жене всероссийском императоре, — потому, что не он виноват в свинстве, о окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к г..., и вонь о тебе не будет противна, даром, что джентльмен. Ух кабы мне брать на чистый воздух“.

Пушкин понял, что царь — сила враждебная свободе, просвещению и искусству. Пушкин понял, что он пленник царя, живущий под постоянной угрозой расправы. Состояние поэта было очень тяжелое. Пушкин видел самодержавие во всем его отталкивающем виде, но в то же время не видел никаких сил для борьбы с самодержавием.

И все же, несмотря на неблагоприятные условия, гений Пушкина продолжал мужать и развиваться. В этот период поэт работал над „Евгением Онегиным“, написал поэму „Полтава“, неоконченный роман в прозе „Арап Петра Великого“ и большое количество лирических стихотворений.

4. Травля Пушкина и его одиночество

Царь относился к Пушкину с возрастающим недоверием и раздражением. Красота жены поэта была в полном блеске. Царь хотел, чтобы Наталья Пушкина бывала не только на широких великосветских собраниях, но и на более интимных придворных вечерах, происходивших обычно в Аничковом дворце.

Под новый 1834 год Николай „пожаловал“ поэту придворное звание камер-юнкера. Этой „милостью“ царь добивался сразу двух целей. Он ставил ею Пушкина в унижительное положение: в камер-юнкеры, низшее придворное звание, назначалась аристократическая молодежь, Пушкину же было уже 35 лет, он имел всероссийское имя и в своем новом звании должен был возбуждать смех светской челяди. С другой стороны, придворное звание мужа открывало Наталье Николаевне свободный доступ ко всем придворным удовольствиям.

Это назначение взбесило Пушкина. Он прекрасно разбирался в мотивах назначения. „Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам), — записывал он в своем дневнике, — но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове“.

Началась длинная цепь оскорбительных унижений. Гениальный поэт не очень разбирался, да и не хотел разбираться, в тонкостях придворного этикета. Поедет он на вечер в Аничков дворец в мундире, а там гости в штатском платье. Пушкин едет домой переодеться, но вместо того, чтобы возвратиться во дворец, уезжает к приятелю. Царь приказывает передать ему свое неудовольствие. Под предлогом болезни поэт не являлся на дворцовые церемонии, на которых ему — прославленному поэту — приходилось бы как камер-юнкеру играть довольно незавидную роль. Царь каждый раз допытывался о причинах его отсутствия, собирался чуть ли не на дом посылать к нему врача, чтобы проверить, в самом ли деле он болен.

Притеснения правительства становились все нестерпимей. Полиция стала перехватывать письма поэта. В одном из них, адресованном жене, проводившей весну и лето в Калужской губернии, Пушкин так же, как и в дневнике, неодобрительно отозвался о своем придворном звании.

Письмо доставили царю, тот рассвирепел. Друзья Пушкина насилу уладили дело, хотя отношение царя к поэту от этого не стало лучше. Этот эпизод Пушкин отметил в своем дневнике: „Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом неофициальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастью письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Все успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, — но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю... и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина!“

Тоскливые ноты все чаще и чаще дают себя знать в настроении одинокого поэта, окруженного могущественными врагами, не смевшего из-за шпионских глаз поделиться переживаниями даже с женой. „Скучно жить без тебя, — писал он ей, — и не смей даже писать тебе все, что придет на сердце“.

Пушкин все острее начинает мечтать об отставке, об отъезде в деревню, о независимости, о том, чтобы всецело отдаться творческой работе. В конце июня 1834 г. Пушкин написал прошение об отставке. Царь рассвирепел. Под угрозой опалы и преследований Пушкин, при посредничестве Жуковского, вынужден был взять свое прошение обратно. Но уже после того, как Пушкин отказался от отставки, царь угрожал наказанием не только самому Пушкину, но и его семье.

Понятно, что в таких условиях поэту не работалось. А работать ему необходимо было не только для того, чтобы реализовать свои творческие замыслы, но и чтобы прокормить семью. Через год он вновь обратился к царю с просьбой о длительном отпуске — на 3—4 года для поездки в деревню, где бы он мог свободно творить. Царь ответил как иезуит — не прямым отказом, а лицемерной фразой, в которой Пушкину предлагалось выбирать между пребыванием в Петербурге и отставкой со всеми вытекающими последствиями. Поэта оставили попрежнему на привязи. Из Петербурга его не пустили.

Отношение царя и Бенкендорфа к Пушкину послужило сигналом для усиленной травли поэта со всех сторон. Ухудшились и без того плохие цензурные условия его работы. Произведения Пушкина цензуровались царем и Бенкендорфом. Несмотря на это, министр народного просвещения, ревностный проводник реакционной политики царя, граф Уваров потребовал, чтобы все написанное Пушкиным подвергалось еще досмотру цензоров-специалистов. Пушкин боролся со своими врагами всеми доступными ему средствами. Уваров был наследником богатого графа Шереметева. Шереметев заболел. Обрадованный

Уваров стал вести себя как владелец достояния больного. А Шереметев возьми и выздорей. Пушкин воспользовался этой историей и написал сатиру на Уварова под названием „На выздоровление Лукулла“. Уваров, как и все читатели, легко узнал, кого имел в виду поэт под прозрачными римскими псевдонимами, и ответил усилением нападок и клеветы по адресу Пушкина.

Врагами Пушкина были и непосредственный его начальник по службе — министр иностранных дел Нессельроде и жена последнего, у которой собирался влиятельный светский круг. Критика и печать, зависимые от правительства, также усилили свои нападки на Пушкина, переходя от намеренно злой и несправедливой оценки его творчества к прямым доносам.

Ко всем бедам Пушкина присоединились еще очень острые денежные затруднения. Ему не по средствам было вести светский образ жизни, которого требовали от него и его придворное звание, и царь, и жена. Семья Пушкина выросла. У него было четверо детей. На его иждивении находились две сестры жены, брат, отчасти его родители. В условиях петербургской светской жизни он писать не мог. К тому времени, когда он получил отказ в длительном отпуске, его долги доходили до 60 000 рублей, из которых 20 000 он должен был царю (т. е. государству, но царь, когда хотел, не делал различия между своими деньгами и казной). Так даже в материальном отношении Пушкин попал в кабалу к царю. Чтобы освободиться от денежной зависимости от царя, Пушкин пытался было отдать в казну в счет долга принадлежащие ему болдинские земли. Но из этого ничего не вышло. Царь понимал, что, давая Пушкину в долг казенные деньги, он накидывал лишнюю петлю на шею поэта.

Нет ничего удивительного, что преследования, придирки, денежные заботы, постоянные волнения и одиночество не давали возможности Пушкину писать. Осенью 1835 г. Пушкин поехал в Михайловское, надеясь использовать свое любимое время года для плодотворной работы. Но через десять дней он уже сообщает жене: „Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а все потому, что неспокоен“.

Одиночки — друзья Пушкина, как, например, Жуковский, думали помочь поэту, толкая его на полное подчинение не только внешнее, но и внутреннее, царю, правительству, свету. Пушкин же не хотел и не мог подчиниться своим говителям. Его ненавидели за независимость, за чувство собственного достоинства, за свободолюбие, бывшее почти из каждой написанной им строчки, за прогрессивный характер его творчества, за презрение к свету, к кололеству, к пресмыкательству, наконец, за гениальность. Пушкин видел и понимал свое одиночество. „Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом!“ — восклицал он в одном из писем к жене. Недоброжелательство и ненависть окружали поэта со всех сторон. Ждали только повода, чтобы начать беспощадную травлю.

В январе 1834 г. в русскую императорскую гвардию офицером был принят французский эмигрант барон Дантес. Дантес был крайним реак-

ционером. Он вынужден был уехать из Франции в результате революции 1830 года. Беспринципный проходимец, Дантес на почве противостественной близости нашел себе влиятельного покровителя в лице голландского посланника в Петербурге Геккерена. Геккерен даже усыновил его. Дантес стал именоваться бароном Дантес-Геккерен.

Красивый и нахальный, Дантес-Геккерен пользовался большим успехом в петербургском большом свете. Он заметил красоту жены Пушкина, всеобщее внимание, оказываемое ей, и стал назойливо добиваться ее расположения. Вокруг имени жены Пушкина начала плестись великосветская сплетня. Свет, ненавидевший Пушкина, стал эту сплетню раздувать, потакать ухаживанию Дантеса и высмеивать Пушкина. Пушкин искал способов защитить свою честь и чистоту имени своей жены. Двор и свет удвоили свои отвратительные усилия: открылась возможность совсем избавиться от ненавистного поэта. Император Николай уже после гибели Пушкина писал своему брату: „Давно ожидать должно было, что дуэлью кончится их неловкое положение“. Значит, Николай еще задолго до рокового для Пушкина и России исхода предвидел возможность дуэли, но ничего не делал для того, чтобы предотвратить ее. Один из немногих доброжелателей Пушкина, граф Адлерберг предпринял попытку спасти Пушкина. Дантес как-то выразил желание поехать на Кавказ подраться с горцами. Граф Адлерберг отправился к брату царя Михаилу, главнокомандующему гвардейским корпусом, изложил ему свои опасения относительно Пушкина и предложил отправить Дантеса на Кавказ. Однако, это предложение не было принято. Двору и свету международный проходимец Дантес был дороже национальной гордости России, величайшего ее поэта. Мало того, двор и свет надеялись, что в этом столкновении удастся убрать, убить Пушкина, причем сами они останутся в стороне. Зная отношение царя к Пушкину, в свете нашлись досужие старатели, которые просто стали сводничать Дантесу жену Пушкина, разжигая ярость Пушкина, делая его положение совершенно невозможным, ускоренно толкая его к роковой развязке.

Вокруг Пушкина развевалась ожесточенная враждебная кампания. Но все же поэт, насколько ему только позволяли обстоятельства и силы, не прерывал своего служения литературе. В 1835 г. Пушкин получил разрешение издавать журнал „Современник“. Пушкин уделял очень много внимания журналу, печатая в нем свои крупные художественные произведения, мелкие стихи и заметки. Он радовался каждому успеху русской литературы, он поддерживал начинающих писателей. Пушкин один из первых заметил дарование Гоголя. Он ставил перед молодым Гоголем серьезные задачи. Он подсказывал ему темы для творчества. Пушкин, — рассказывает Гоголь в „Авторской исповеди“, — „отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал никому другому. Это был сюжет „Мертвых душ“. (Мысль „Ревизора“

принадлежит также ему). Пушкин же первый заметил и главную особенность творчества Гоголя, которая позднее была охарактеризована Белинским, как „смех сквозь слезы“.

Пушкин рвался из своего одиночества. Он искал новых сил, новых людей, с которыми мог бы вместе работать. Он собирался пригласить Белинского сотрудником в „Современник“. Смерть Пушкина помешала ему выполнить это намерение.

В последний период своей жизни Пушкин напечатал в „Современнике“ большую повесть „Капитанская дочка“, написанную им несколько ранее в результате изучения движения Пугачева. Пушкин работал над драмой из эпохи падения феодализма — „Сцены из рыцарских времен“, в которой он нарисовал картины крестьянского восстания против феодалов. Эта драма осталась незаконченной. Незаконченной осталась и повесть „Египетские ночи“. Однако, в начальных главах этой повести поэт мастерской рукой начал изображать психологию гения и художественного творчества, как он ее знал и понимал.

Из лирических стихотворений последнего периода творчества Пушкина следует выделить стихотворение „Полководец“. Полководец, о котором говорится в этом стихотворении, — Барклай-де-Толли, предложивший правильный план борьбы с Наполеоном. Однако Барклаю-де-Толли не доверяли, его сняли с поста, хотя оборона против французского нашествия дальше продолжалась фактически по его плану. Размышляя о судьбе Барклая-де-Толли, Пушкин думал и о себе. В стихотворении много автобиографических сопоставлений. Оно заканчивается следующими строками:

„О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиленье!“

Пушкин перед своей гибелью размышлял о пройденном им пути, об оставляемом им культурном наследстве. Он сознавал свое одиночество, видел готовящийся вокруг него заговор, но он понимал значение своего поэтического труда для будущего, для русского народа, для всех других народов, населяющих нашу страну. Незадолго до своей смерти Пушкин в стихотворении „Памятник“ писал:

„Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в поддунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык“.

Начало дувли.
Рисунок Петра Соколова.

5. Дуэль и смерть

Пушкина травили царь Николай, Бенкендорф, Булгарин, все реакционное и развратное великосветское общество. Разжигание скандала вокруг имени гениального поэта стало орудием расправы над ним.

4 ноября 1836 г. Пушкин получил по почте анонимный пасквиль следующего содержания: „Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена“. Такие же анонимки были разосланы друзьям и знакомым Пушкина. Анонимный пасквиль недвусмысленно намекал на ухаживания Николая I за женой Пушкина. Нарышкин был мужем фаворитки императора Александра I. Называя Пушкина заместителем Нарышкина, анонимка намекала, что Пушкину выпала по отношению к императору Николаю та же роль, что Нарышкину по отношению к Александру.

Позднее было установлено, что анонимный пасквиль написал великосветский шалопай и развратник князь П. В. Долгоруков. Но Долгоруков был только исполнителем. За его спиной стояла целая группа развращенной светской молодежи, кое-кто из сановников, вероятно в том числе и министр Уваров, кое-кто из членов дипломатического корпуса, в том числе голландский посланник барон Геккерен. Возможно, что великосветская банда с умыслом направляла гнев Пушкина по адресу царя, рассчитывая отвлечь его внимание от Дантеса, надеясь таким путем скорее погубить поэта.

Посланная Пушкину пошлая и гнусная анонимка является ярким свидетельством низкого культурного и нравственного уровня тогдашнего придворного и великосветского общества, и притом не только русского. Форма анонимного диплома не была выдумана петербургской золотой сволочью, погубившей Пушкина. Она была скопирована с бланка полученного из Вены, где высшее общество также развлекалось подобными забавами.

Пушкин был твердо убежден, что подлая анонимка исходила от барона Геккерена, приемного отца ухаживавшего за Натальей Николаевной Дантеса. Геккерена по его положению посланника и по его возрасту неудобно было вызвать на дуэль. Пушкин послал свой вызов Дантесу. Геккерен очень испугался. Он понимал, что каков бы ни был исход дуэли, ему придется покинуть место посланника в Петербурге, которым он дорожил просто по корыстным соображениям. Чтобы выйти из создавшегося положения, Дантес сделал предложение сестре Наталье Николаевны — Екатерине Гончаровой. Это предложение давало ему основание утверждать, что он оказывал внимание Наталье Николаевне будто бы для того, чтобы чаще видеть ее сестру. Предложение Дантеса обнаруживало в нем труса и делало его смешным в глазах общества.

Однако, неприязнь развратного света к Пушкину была настолько велика, что нашлись люди, которые низменные и унижительные мотивы предложения Дантеса старались изобразить как подвиг, делающий честь его благородству.

После оформления предложения Дантеса Пушкин взял свой вызов обратно. Пушкин категорически отказался иметь какие бы то ни было дела со своим новым „родственником“. Дантес однако и после своей свадьбы продолжал ухаживания за женой Пушкина. Недоброжелательное светское общество опять начало чернить Пушкина, сплетни возобновились. Пушкин чувствовал себя затравленным. Его окружила стена врагов. Его преследовали царь и министры. Светское общество старалось унижить поэта, раздувало сочиненные по его адресу сплетни. Денежные затруднения теснили поэта все более жестоко. Литературная критика хулила его произведения. Обстановка для поэта создавалась под конец такая, что делала невозможным для него самый литературный труд. Царь насильно держал Пушкина в этом пекле, не выпуская его из Петербурга, требуя его участия в придворной и светской жизни. Доведенный до крайности Пушкин решил любой ценой добиться какого бы то ни было выхода из создавшегося положения.

Пушкин попытался в последний раз найти управу на своих врагов у царя. Он сообщил Николаю о ведущейся интриге, повидимому, дав ему понять, что распускаемые сплетни чернят и самого царя. Николай приказал ему молчать. Тогда Пушкин решил сразиться хоть с одним из своих врагов не на жизнь, а на смерть. 26 января 1837 г. он послал убийственно оскорбительное письмо Геккерену, после которого никакое отступление уже не было возможно. Дантес должен был принять вызов Пушкина.

Секундантом Дантеса был служащий французского посольства д'Аршиак, секундантом Пушкина — его товарищ Данзас. Перед дуэлью Пушкин был спокоен, даже весел. За час до дуэли Пушкин еще занимался делами „Современника“ и написал письмо с деловыми поручениями писательнице Ишимовой.

Дуэль состоялась 27 января на Черной речке, у комендантской дачи. Площадка, на которой должны были драться противники, была засыпана глубоким снегом. Секунданты вытоптали дорожку. Барьеры были обозначены шинелями. По данному сигналу противники начали сходитьсь.

Первым выстрелил Дантес. Пушкин упал, раненый в живот и крестец. Рана его была смертельна. Очнувшись, Пушкин пожелал воспользоваться принадлежащим ему выстрелом. Он приподнялся, и полулежа на снегу, выстрелил в своего врага. Пушкин попал в Дантеса, но рана оказалась очень легкой.

Секунданты перенесли Пушкина в карету и повезли его домой. Дома Пушкина ждали к обеду. Данзас вошел в столовую предупредить жену о дуэли и о ранении Пушкина. Наталья Николаевна, увидев раненого мужа, упала в обморок. Пушкина поместили в его кабинете. Смер-

тельно раненый поэт не велел пускать к себе жену, пока его не приведут в порядок, разденут, уложат. Он не хотел ее пугать видом своей раны.

Страдания Пушкина были невыносимы. Он понимал, что умирает, но вел себя с величайшим мужеством и спокойствием. Николай I не оставил поэта в покое и на его смертном одре. Он отправил ему письмо, в котором требовал исполнения Пушкиным перед смертью обрядов христианской религии, ставя это условием обеспечения его жены и детей. Заботясь о судьбе семьи Пушкина и о судьбе его литературного наследства, Жуковский ложно изобразил последние часы Пушкина. Он сообщил Николаю, что Пушкин на вопрос, что передать в качестве его предсмертного желания царю, ответил: „Скажи ему, что мне жаль умереть, был бы весь его“. Пушкин никогда не говорил этих слов. Когда Жуковского упрекали за эту фразу, он оправдывался тем, что заботился о судьбе жены и детей Пушкина. Ложное представление о предсмертном поведении Пушкина лицемерно поддерживалось и распространялось в народе правительством.

Перед смертью Пушкин простился с присутствовавшими друзьями, благословил своих детей. 29 января по старому стилю, 10 февраля по новому, в два часа сорок пять минут пополудни Пушкина не стало.

А. С. ПУШКИН

1837--1937

*Сборник статей
и материалов*

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1937